

УДК 141.81(47 + 57) + 821.161.1 Щербатов-6 +
+ 821.161.1 Кюхельбекер-6

М. В. Горемыкина

«ПУТЕШЕСТВИЕ В ЗЕМЛЮ ОФИРСКУЮ Г-НА С... ШВЕДСКОГО ДВОРЯНИНА» М. М. ЩЕРБАТОВА И «ЕВРОПЕЙСКИЕ ПИСЬМА» В. К. КЮХЕЛЬБЕКЕРА В КОНТЕКСТЕ РУССКОЙ ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОЙ УТОПИИ

Анализируются произведения М. М. Щербатова «Путешествие в землю Офирскую г-на С... шведского дворянина» и В. К. Кюхельбекера «Европейские письма». Выделяются общие черты, прослеживается преемственность по отношению к просветительской традиции. Отдельное внимание уделено особенностям развивающегося утопического сознания авторов.

Ключевые слова: М. М. Щербатов; В. К. Кюхельбекер; русская утопия; Просвещение; образ России; русская литература XVIII в.; западноевропейская утопия; традиция; преемственность; авторское сознание.

В России последней четверти XVIII в. появляется интерес к идеальному миру, в основе которого лежит справедливый закон. Он воспринимается русскими мыслителями как мера высокой нравственности и истины. Просветительские идеи сочетаются с вниманием к истории и культуре России, национальной самобытности. Эти условия способствуют развитию в русской литературе утопической традиции.

Русская утопия, несомненно, имеет глубокую связь с утопией западноевропейской. Интересу к утопии во многом способствовало издание на русском языке в 1789 г. книги Т. Мора «Утопия». Опираясь на воображение автора, который отправляет героев на поиски лучшего мира, она изображает перед читателями этот самый мир, где царит справедливость и благополучие. И. И. Свирида полагает, что эпоха Просвещения «осознав пороки современного ей общества, <...> пыталась их устранить посредством воспитания людей, искоренения

заблуждений» [Свирида, с. 37], а потому утопизм являлся важным и неотъемлемым ее свойством.

В западноевропейских утопиях обнаруживается предвидение грядущих социальных потрясений, их авторы верили в возможность изменения общества и человека к лучшему при условии изменения законов государства. Утописты опирались на материалистические и прагматические ценности, человек в них представлен как некая обладающая разумом машина, вся жизнедеятельность которой строго подчинена законам природы, признанным автором идеальными. По мнению Е. Е. Приказчиковой, русская утопия, в отличие от западноевропейской, «направлена на постижение идеалов Правды, что соответствовало как специфике культурно-исторической ментальности русского народа, так и основному направлению развития русского утопизма до эпохи Просвещения» [Приказчикова, с. 103]. Идеализм русских утопий не был отделен от национальной традиции.

В современном литературоведении существует ряд исследований, посвященных художественному развитию русской утопической мысли. В книге В. П. Шестакова «Эсхатология и утопия» (1995) выявляется своеобразие русской утопии в сопоставлении с западноевропейской традицией, в исследовании Е. Е. Приказчиковой «Культурные мифы и утопии в мемуарно-эпистолярной литературе русского Просвещения» (2010) выявляются основные типы утопий русского Просвещения. По мысли А. А. Файзрахмановой, «именно в эпоху петровского и екатерининского правления были созданы условия для формирования литературной утопии, отразившей особенности национальной культурной традиции» [Файзрахманова, с. 11].

Среди работ по истории и философии отечественной утопии, обращенных конкретно к вопросу об утопии эпохи Просвещения и романтического периода, отметим труды Т. В. Артемьевой, К. М. Андерсона, В. В. Святловского, И. З. Сермана, А. В. Чудинова, И. И. Свириды, Н. В. Ковтун, Э. Вагеманса, В. И. Мильдона и др. [Андерсон; Артемьева; Вагеманс; Свирида; Чудинов].

Несмотря на повышенное внимание исследователей к вопросу о своеобразии утопического сознания, на наш взгляд, необходимо дополнительное изучение сложной художественной природы утопии в развитии от Просвещения к романтизму.

Целью данной статьи является сопоставление и выявление общих типологических черт в произведениях М. М. Щербатова «Путешествие в землю Офирскую г-на С... шведского дворянина» (1784) и В. К. Кюхельбекера «Европейские письма» (1820) и определение выраженной в них специфики авторского сознания именно как утопического.

Широкое распространение жанра утопии в русской литературе относится ко второй половине XVIII в., В. Ю. Троицкий связывает его с предромантическими тенденциями [Троицкий, с. 314]. По мнению исследователя, «авторы таких произведений сознательно противопоставляли реальной действительности выдуманные ими картины “счастливой жизни”» [Там же]. Одним из первых в ряду русских утопий он называет «Сон “Счастливое общество”» (1759) А. П. Сумарокова. Во сне герой произведения оказался в «мечтательной» стране, где царят справедливость и человечность. Государь добросердечен, начальники

разумны и честны, церковники беспорочны, законы справедливы, а наказания за их несоблюдение — суровы. Вот только существовать такое общество может лишь во сне.

Интерес вызывает повесть В. А. Левшина «Новейшее путешествие, сочиненное в городе Белеве» (1784). На фоне фантастического сюжета автор знакомит читателя со своими философскими взглядами и размышлениями. Главный герой Нарсим летит в космос на крыльях из легчайших буковых дощечек и попадает на Луну. Он знакомится с местным обществом, очень похожим на земное, только достигшим наивысшего расцвета: дома их построены из алмазов и золота; управляют людьми старейшины, отцы семейств. Гармония, добродетель и благодать царят на Луне. Знакомясь с историей и обычаями народа, автор противопоставляет непривлекательные земные нравы и прекрасные лунные. Он приходит к неутешительному выводу: причина всему дурному — «установления и верования, а также глупость» [Троицкий, с. 318]. Важной особенностью утопии Левшина является то, что автор отрицает традиционные просветительские ценности и сам монархический строй. В его идеальном мире именно семья заменяет совершенное государственное устройство.

Особое место среди русских утопий конца XVIII в. занимает утопия М. М. Щербатова «Путешествие в землю Офирскую г-на С... шведского дворянина». Л. Геллер видит в этой книге «наиболее детальное в русской литературе описание идеального общества» [Геллер, Нике, с. 75]. По мнению В. Ю. Троицкого, «Путешествие в землю Офирскую г-на С... шведского дворянина» «становится у нас первым опытом создания национальной литературно-художественной утопии» [Троицкий, с. 320].

Михаил Михайлович Щербатов — известный историк, политический деятель, публицист XVIII столетия. Представитель древнего знатного дворянского рода, он вел свою родословную от самого Рюрика. Безусловно, был одним из самых образованных людей своего времени, настаивал на необходимости широкого распространения знаний и грамотности. Имел глубокие познания в области истории, философии, естествознания, экономики, филологии. В своем миропонимании сочетал идеи передовых европейских просветителей с национальной традицией. По утверждению П. А. Сапронова, мировоззрение М. М. Щербатова основывалось на «европейском образовании, европеизированной и европеизирующейся современности, свидетельствах и преданиях прошедшего» [Сапронов, с. 3].

Наиболее ярко мировоззрение М. М. Щербатова отражено в книге «О повреждении нравов в России» (1786–1789), изданной в 1858 г. в Лондоне Вольной русской типографией А. И. Герцена. Каждая глава этого историкоморалистического трактата М. М. Щербатова посвящена определённому русскому правителю. Для современного читателя особое значение имеет характеристика автором современного ему общества. В начале произведения он изображает картину современных нравов — «всеобщего морального разложения» [Афанасьев, с. 288]. «Вера и божественный закон в сердцах наших истребились, — пишет Щербатов, — тайны божественные в презрение впали. Гражданские узаконения презираемы стали» [Щербатов, 2001, с. 7]. В этом обществе судьи продажны; дети

не уважают родителей, считают их взгляды устаревшими, насмеваются над ними и не принимают их решений; родители, в свою очередь, не испытывают любви к своим детям, отдают их на воспитание посторонним людям, многие просто продают честь своих дочерей; между супругами нет искренних чувств, они заводят любовников, вовсе этого не стыдясь, а порой даже и хвастаясь таким поступком; родственные связи ничего не значат, каждый живет для себя; нет дружбы; нет верности государю; нет любви к отечеству; нет твердости духа.

М. М. Щербатов настаивает на том, что отсутствие твердых и строгих законов, произвол вельмож, заботящихся только о собственном благополучии, негативно влияют на страну. В этом причина всех бед. Такое положение грозит «падением государству» [Щербатов, 2001, с. 7]. Патриотическое сознание Щербатова не вызывает сомнений, его взгляд на реальную действительность поднимается до «народной точки зрения» [Афанасьев, с. 296]. Идеи и планы по преобразованию государства и общества автор трактата «О повреждении нравов в России» разрабатывал на протяжении всей своей жизни.

«Путешествие в землю Офирскую г-на С... шведского дворянина», написанное несколькими годами ранее трактата «О повреждении нравов в России», по сути, выражает то же неприятие автором современной ему русской действительности. Главный герой, он же рассказчик, отправляется на корабле под названием «Надежда» из Пондишери в Европу. Через несколько дней после отправления попадает в «превеликую и необыкновенную» [Щербатов, 1977, с. 27] бурю, в результате которой корабль и вся его команда терпит бедствие. И вот когда люди уже потеряли всякую надежду на спасение, происходит невероятное — на помощь приходят два неизвестных гребных судна. Так герой попадает туда, где никто никогда не бывал — в землю Офирскую.

Следует пояснить название, которое автор дает своей прекрасной земле. Офир — это сказочная и необычайно богатая страна, упоминания о которой встречаются в Библии [Есюков, Честнейшин, Честнейшина, с. 46]. Н. Д. Чечулин считает, что М. М. Щербатов позаимствовал название своего романа из книги неизвестного немецкого автора «Konigreich Ophir», которая была опубликована в 1699 г. в Лейпциге [Чечулин, с. 20–21].

Страна эта, «яко лежащая близ полюса антарктического, есть страна холодная и совсем сходственная на европейские северные страны, даже что те же в ней находятся растения, те же звери и прочее, а сеть токмо некоторая разность в водяных птицах, которые уже естествоописатели, яко о живущих близ полюса антарктического, описание учинили» [Щербатов, 1977, с. 23]. Жители ее говорят на санскрите, с которым герой знаком, поэтому получает возможность полноценно общаться. В этой стране повсеместно царит благоденствие и благополучие народа, а общественное устройство крайне рационально и здраво. Это истинно мудрое государство, с которого стоит брать пример остальным. Справедливое устройство Офирской земли основано на сильной вере и на строгой регламентации прав и обязанностей, а также на их безукоризненном соблюдении каждой социальной группой.

В беседе с правителями Офирской земли проясняются нравственные и гражданские принципы, согласно которым существует это общество. Автор

акцентирует внимание на полном и безоговорочном соблюдении законов, правил, твердости и незыблемости брака, несомненной любви к отечеству. Именно этого и недостает современному российскому государству для процветания.

«Путешествие в землю Офирскую г-на С... шведского дворянина» М. М. Щербатова было опубликовано спустя много лет после написания, лишь в 1898 г., однако было хорошо известно современникам. В. Ф. Иванов в книге «История масонства» утверждает, что Павел I вел переписку со своим воспитателем Н. И. Паниным, в которой неоднократно упоминал это произведение. Текст был знаком и Александру I, именно оттуда он заимствовал идею военных поселений [Иванов]. Существуют свидетельства того, что сочинение Щербатова было известно и в декабристском кругу [Семеновский, с. 15].

Сложившаяся в эпоху Просвещения литературная форма утопии активно развивалась в романтический период. И. А. Тертерян замечает, что «романтизм создал грандиозную и многообразную утопию — утопию красоты, утопию личной активности и самодостаточности суверенной личности, утопию национального единства, утопию человека и природы, утопию идеальной революции» [Тертерян, с. 24]. Такие утопии совершенно четко обозначают мировоззренческие приоритеты своего времени. Их авторы предлагают свои варианты усовершенствования мира, облачая их в художественную форму. Произведения этого жанра отражают эстетические и духовные искания писателей, для которых характерно преобладание нравственного над рациональным. Утопический хронотоп вполне отвечает задачам романтического сознания, устремленности романтика к идеальному мироустройству. В. И. Мильдон считает, что западноевропейская утопия «как бы признает вероятными изменения здесь, в этом месте; русская этого не допускает — нужно другое место» [Мильдон, с. 83].

Распространен жанр утопии и в литературном творчестве декабристов, которые были преемниками русских просветителей и отличались романтическим характером мировосприятия. Повесть А. Д. Улыбышева «Сон» (1819) является одним из наиболее ярких образцов декабристских утопий. В основе сюжета лежит традиционный для утопии прием — сон. Главный герой засыпает и попадает в будущее. Петербург заметно преобразился: появились новые красивые здания, а дворцы и старые дома предназначены для общего пользования, вместо казарм открылись библиотеки, школы и академии.

Общественный переворот, случившийся 300 лет назад, положил конец самодержавию и крепостничеству. Люди свободны, в обществе царит всеобщая социальная справедливость. Армия распущена, т. к. в ней нет больше необходимости. Культура и искусство освободились от подражательности и развиваются самостоятельно, на национальной самобытной почве. Религия превратилась во что-то похожее на масонский культ Высшего существа, двуглавого орла сменил феникс «свободы и истинной веры». Интерес вызывает окончание повести — герой неожиданно просыпается из-за звуков рожка и барабана, а также криков пьяного мужика, которого полицейские тащат в участок. Автор замечает: «Я подумал, что исполнение моего сна еще далеко...» [Улыбышев, с. 99]. Такой финал, по мнению В. И. Мильдона, указывает на то, что утопия Улыбышева «носит сатирический характер и потому ее прогноз мрачен» [Мильдон, с. 27].

«Европейские письма» В. К. Кюхельбекера были написаны и опубликованы в 1820 г. прямо перед реальным путешествием автора по Европе. Действие разворачивается в далеком будущем, в XXVI в. Главный герой — американец — отправляется в путешествие по Европе, которая, как пишет автор, «уже снова одичала». Париж и Лондон исчезли с лица земли, Рим практически разрушен, а молодая Америка процветает, «европейцы состарились: провидение отняло у них свет, но единственно для того, чтобы повелеть солнцу истины в лучшем блеске воссиять над Азией, над Африкой, над естественной преемницей Европы — Америкой» [Кюхельбекер, с. 114].

В «Европейских письмах» В. К. Кюхельбекер описал возможный путь дальнейшего развития европейских стран и в том числе России. По мнению Ю. Н. Тынянова, у Кюхельбекера «в высокой степени были развиты чувство великого исторического будущего, ожидавшего его родину, и твердая вера в “усовершенствование человека” <...> он сознает молодость и значение своей страны, в сравнении с которой Европа обветшала» [Тынянов, с. 298].

В повести В. К. Кюхельбекера обнаруживается явная преемственность по отношению к просветительской утопии конца XVIII в. Подобно М. М. Щербатову, он использует форму путешествия. Эта описательность позволяет авторам подробно представить посещаемое государство, его быт, законы и традиции, а также дать необходимые разъяснения и комментарии. Главный герой, он же рассказчик, — полноправное действующее лицо в произведениях такого рода, активно участвует в описываемых событиях.

Прекрасный мир М. М. Щербатова для читателя недостижим, и проверить его реальное существование невозможно. Ведь Офирская земля, по заверению автора, находится близ антарктического полюса. Так же и у В. К. Кюхельбекера, только его мир еще дальше, хоть он и якобы реален — в будущем XXVI в.

Особое место занимает в произведениях двух авторов образ России. В описании Офирии явно прослеживаются аллюзии на Россию как прообраз этой идеальной в будущем страны. Например, Офирская земля имеет две столицы: старую и новую, искусственно созданную одним из реформаторов; в названиях городов угадываются русские: *Квамо* — Москва, *Перегаб* — Санкт-Петербург, *Олботская* земля — Тобольская губерния. Иерархия государственных чиновников Офирии также сходна с российской — четырнадцать классов должностных званий.

Офирская земля у М. М. Щербатова — это Россия, где удалась реализация прогрессивных реформ, идеальное для автора государство. Для В. К. Кюхельбекера идеал — Америка как молодая цивилизация, в этом отношении близкая России. На территории Европы идеально организованное пространство — колония выходцев из России. Именно она представляет собой Россию будущего. И Щербатов, и Кюхельбекер верили в исключительность и великое будущее своей страны, эта идея ясно звучит в их произведениях.

Утопия М. М. Щербатова более социальна. В начале повествования автор предупреждает читателя, что его интересует политическое и общественное устройство этого мира, потому что в Офирии «власть государственная соображается с пользой народною» [Щербатов, 1977, с. 23]. В романе много внимания

уделено вопросам воспитания и образования. Как указывает В. П. Шестаков: «Идеал Щербатова — допетровская Русь, простота обычаев, отсутствие роскоши и богатства» [Шестаков, с. 43]. Для В. К. Кюхельбекера основной является национальная традиция соборной общности; идеальное общественное устройство подобно семье, а не государству.

Утопии М. М. Щербатова «Путешествие в землю Офирскую» и В. К. Кюхельбекера «Европейские письма» объединяет просветительская идеология, в значительной степени скорректированная национальной традицией. Идеи о справедливом законе, мудром монархе, а также исконно русские духовно-нравственные ориентиры общества лежат в основе этих произведений. Высоконравственный человек — вот идеал авторов, именно такие люди могут составить идеальное свободное общество. Мировоззрение писателей объясняет их обращение к проблемам законодательства, морали, культуры, общественного устройства.

Как мы видим, идеал М. М. Щербатова — это прошлое, В. К. Кюхельбекер же возлагает свои надежды на будущее. В «Европейских письмах» выделяется размышление о прошлом и настоящем европейских стран, их истории и культуре, любование красотами природы. Автор не предлагает конкретных указаний по совершенствованию мира, как это делает Щербатов, он просто созерцает и рассуждает. Упоминая конкретные факты из прошлого европейских стран, такие как пытки и инквизиция, он замечает, что сейчас «нет костров для людей мыслящих, нет цепей для народов свободных и счастливых» [Кюхельбекер, с. 103]. Как пишут Л. Геллер и М. Нике, «цивилизация без добродетели (в классическом смысле) обречена на исчезновение» [Геллер, Нике, с. 104]. Именно это и произошло с Европой. Именно по ее руинам прогуливается герой Кюхельбекера. Свой идеал он встречает в колонии в Калабрии, где правителем является русский человек по фамилии Добров. Этот человек откровенен в разговоре, приветлив со слугами, трудолюбив, добродетелен, его основное правило — «во всем и вполне быть человеком» [Кюхельбекер, с. 119]. Он сочетает в себе истинную просвещенность и образованность, что делает его, по мнению автора, «истинным человеком» [Кюхельбекер, с. 120].

Мир М. М. Щербатова совершенный, не требующий никаких изменений, и, на первый взгляд, это определенно утопия. Е. Е. Приказчикова замечает, что «Путешествие в землю Офирскую г-на С... шведского дворянина» представляет собой синтез утопии и дистопии, который осуществлен в рамках одного текста. При этом «антиутопия представляет собой рассказ о прошлом Офирской земли, которое разительно напоминает Россию второй половины XVIII столетия. Утопия же — это рассказ о настоящем положении дел в Офирском государстве. Таким образом, автор находит идеальный вариант русской утопии, представляющий собой соединение утопии и дистопии, сатиры и панегирика» [Приказчикова, с. 26]. У В. К. Кюхельбекера обнаруживается та же тенденция. Прошлое Европы, по мнению автора, действительно ужасно, а в настоящем XXVI в. — прекрасный мир, в котором торжествует справедливость, просвещение и добродетель.

Проведенный анализ показывает, что произведения М. М. Щербатова и В. К. Кюхельбекера имеют много общего. Их авторы открывают читателю новые идеальные миры, с надеждой на их реализацию в России. Герои двух

рассмотренных в статье произведений стремятся обрести справедливость и гармонию. Отличия имеются в самом утопическом сознании авторов: Щербатов опирается на идею о справедливом законе, в его идеальном мире главенствует здравый смысл и соблюдаются строгий порядок и регламентированность, а для Кюхельбекера важной и неотъемлемой является духовная составляющая общественной жизни.

Андерсон К. М. Конец традиции: (Просвещение и утопии XVIII–XIX вв.) // Культура эпохи Просвещения. М., 1993. С. 314. [Anderson K. M. Konec tradicii: (Prosveshhenie i utopii XVIII–XIX vv.) // Kul'tura jepohi Prosveshhenija. M., 1993. S. 314.]

Артемова Т. В. От славного прошлого к светлому будущему: Философия истории и утопия в России эпохи Просвещения. СПб., 2005. 496 с. [Artem'eva T. V. Ot slavnogo proshlogo k svetlomu budushhemu: Filosofija istorii i utopija v Rossii jepohi Prosveshhenija. SPb., 2005. 496 s.]

Афанасьев Э. Л. Памфлет // Русский и западноевропейский классицизм. Проза. М., 1982. С. 263–298. [Afanas'ev Je. L. Pamflet // Russkij i zapadnoevropejskij klassicizm. Proza. M., 1982. S. 263–298.]

Вагеманс Э. К. К истории русской политической мысли. М. М. Щербатов и его «Путешествие в землю Офирскую» // Рус. лит. 1989. № 4. С. 107–123. [Vagemans Je. K. K istorii russkoj politicheskoy mysli. M. M. Shherbatov i ego «Puteshestvie v zemlju Ofirskuju» // Rus. lit. 1989. № 4. S. 107–123.]

Геллер Л., Нике М. Утопия в России. СПб., 2003. 312 с. [Geller L., Nike M. Utopija v Rossii. SPb., 2003. 312 s.]

Есюков А. И., Честнейшин Н. В., Честнейшина Д. А. Социальная философия русского консерватизма : учеб. пособие. Архангельск, 2009. 276 с. [Esjukov A. I., Chestnejshin N. V., Chestnejshina D. A. Social'naja filosofija russkogo konservatizma : ucheb. posobie. Arhangel'sk, 2009. 276 s.]

Иванов В. Ф. Русская интеллигенция и масонство. От Петра Первого до наших дней. М., 2008. 536 с. [Ivanov V. F. Russkaja intelligencija i masonstvo. Ot Petra Pervogo do nashih dnei. M., 2008. 536 s.]

Кюхельбекер В. К. Европейские письма // Взгляд сквозь столетия (Русская фантастика XVIII и первой половины XIX вв.) / сост. В. Гуминский. М., 1977. С. 100–122. [Kjuhel'beker V. K. Evropejskie pis'ma // Vzgljad skvoz' stoletija (Russkaja fantastika XVIII i pervoj poloviny XIX vv.) / sost. V. Guminskij. M., 1977. S. 100–122.]

Левшин В. А. Новейшее путешествие, сочиненное в городе Белеве // Взгляд сквозь столетия (Русская фантастика XVIII и первой половины XIX вв.) / сост. В. Гуминский. М., 1977. С. 69–90. [Levshin V. A. Novejshee puteshestvie, sochinennoe v gorode Beleve // Vzgljad skvoz' stoletija (Russkaja fantastika XVIII i pervoj poloviny XIX vv.) / sost. V. Guminskij. M., 1977. S. 69–90.]

Мильдон В. И. Санскрит во льдах, или Возвращение из Офира: очерк русской литературной утопии и утопического сознания. М., 2006. 288 с. [Mil'don V. I. Sanskrit vo l'dah, ili Vozvrashhenie iz Ofira: ocherk russkoj literaturnoj utopii i utopicheskogo soznaniya. M., 2006. 288 s.]

Приказчикова Е. Е. Культурные мифы и утопии в мемуарно-эпистолярной литературе русского Просвещения : дис. ... д-ра филол. наук. Екатеринбург, 2010. 629 с. [Prikazchikova E. E. Kul'turnye mify i utopii v memuarno-jepistol'noj literature russkogo Prosveshhenija : dis. ... d-ra filol. nauk. Ekaterinburg, 2010. 629 s.]

Сапронов П. А. Русская философия. Опыт типологической характеристики. СПб., 2000. 396 с. [Sapronov P. A. Russkaja filosofija. Opyt tipologicheskoy harakteristiki. SPb., 2000. 396 s.]

Свирида И. И. Утопизм и садово-парковое искусство эпохи Просвещения // Культура эпохи Просвещения М., 1993. С. 37–67. [Svirida I. I. Utopizm i sadovo-parkovoe iskusstvo jepohi Prosveshhenija // Kul'tura jepohi Prosveshhenija M., 1993. S. 37–67.]

Семеновский В. И. Политические и общественные идеи декабристов. СПб., 1909. 698 с. [Semenovskij V. I. Politicheskie i obshhestvennye idei dekabristov. SPb., 1909. 698 s.]

Тертерян И. А. Романтизм: [Литературы Западной Европы первой половины XIX в.] // История всемирной литературы : в 8 т. М., 1989. Т. 6. С. 16–27. [Terterjan I. A. Romantizm: [Literatury Zapadnoj Evropy pervoj poloviny XIX v.] // Istorija vseмирnoj literatury : v 8 t. M., 1989. T. 6. S. 16–27.]

Троицкий В. Ю. Предромантические веяния // Русский и западноевропейский классицизм. Проза. М., 1982. С. 301–321. [Troickij V. Ju. Predromanticheskie vejaniya // Russkij i zapadnoevropejskij klassicizm. Proza. M., 1982. S. 301–321.]

Тынянов Ю. Н. Пушкин и его современники. М., 1969. 424 с. [Tynjanov Ju. N. Pushkin i ego sovremenniki. M., 1969. 424 s.]

Улыбышев А. Д. Сон // Взгляд сквозь столетия (Русская фантастика XVIII и первой половины XIX вв.) / сост. В. Гуминский. М., 1977. С. 91–99. [Ulybyshev A. D. Son // Vzgljad skvoz' stoletija (Russkaja fantastika XVIII i pervoj poloviny XIX vv.) / sost. V. Guminskij. M., 1977. S. 91–99.]

Файзрахманова А. А. Поэтика русской литературной утопии 1900–1910-х годов: проблемы жанровой трансформации в контексте традиции : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Бирск, 2011. 22 с. [Fajzrahmanova A. A. Pojetika russkoj literaturnoj utopii 1900–1910-h godov: problemy zhanrovoj transformacii v kontekste tradicii : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Birska, 2011. 22 s.]

Чечулин Д. Д. Русский социальный роман XVIII века. (Путешествие в землю Офирскую г-на С. Шведского дворянина. Сочинение князя М. М. Щербатова). СПб., 1900. 73 с. [Chechulin D. D. Russkij social'nyj roman XVIII veka. (Puteshestvie v zemlju Ofirskuju g-na S. Shvedskogo dvorjanina. Sochinenie knjazja M. M. Shherbatova). SPb., 1900. 73 s.]

Чудинов А. В. Утопии века Просвещения : курс лекций. М., 2000. 90 с. [Chudinov A. V. Utopii veka Prosveshhenija : kurs lekcij. M., 2000. 90 s.]

Шестаков В. П. Эсхатология и утопия. Очерки русской философии и культуры. М., 1995. 208 с. [Shestakov V. P. Jeshatologija i utopija. Ocherki russkoj filosofii i kul'tury. M., 1995. 208 s.]

Щербатов М. М. Путешествие в землю Офирскую г-на С... швецкого дворянина // Взгляд сквозь столетия (Русская фантастика XVIII и первой половины XIX вв.) / сост. В. Гуминский. М., 1977. С. 20–68. [Shherbatov M. M. Puteshestvie v zemlju Ofirskuju g-na S... shhveckogo dvorjanina // Vzgljad skvoz' stoletija (Russkaja fantastika XVIII i pervoj poloviny XIX vv.) / sost. V. Guminskij. M., 1977. S. 20–68.]

Щербатов М. М. О повреждении нравов в России. М.; Аугсбург, 2001. 42 с. [Shherbatov M. M. O povrezhdenii нравов v Rossii. M. ; Augsburg, 2001. 42 s.]

Статья поступила в редакцию 28.04.2014 г.